

291

598764

TEATP

№ 7

1954

В. ВОРОНИН — СОЛЕНЫЙ

Соленый в спектаклях «Три сестры» А. П. Чехова обычно истолковывается как фигура, застывшая в тупой мрачности, олицетворяющая злой рок, темную силу. В Томском областном драматическом театре имени В. П. Чкалова Соленый в исполнении В. Воронина — это еще одна человеческая трагедия и, может быть, самая страшная — трагедия безверия.

Воронин попытался заглянуть глубоко в душу Соленого, понять и раскрыть причину его душевного надлома. Его Соленый несчастен и мучится сознанием своего несчастья, страстно мечтает о счастье и не верит в возможность его. Всем существом он протестует против неравного разделения людей на лучших и худших. «Почему барону можно, а мне нельзя?» — с глубокой болью спрашивает Соленый, а глаза актера кричат: «Каждый человек имеет право на счастье!» Он умен, он видит и понимает, что является слабостью и трагедией Тузенбаха и трех сестер — их неспособность к борьбе за осуществление своей мечты. Но, увидев это, он зачеркивает и самую мечту. Не издевка, а горькая ирония звучит в его голосе, когда он в ответ на решительное заявление Тузенбаха: «Буду работать!» — декламирует: «Забудь, забудь мечтания свои...»

Горечь этой иронии Соленый—Воронин направляет не только в адрес Тузенбаха, но и в свой собственный. В этом — честность Соленого. Он не хочет обманывать себя и других возвышенными разговорами о радостном труде. Актер явственно ощущает никчемность существования, рожденную неспособностью к борьбе, и беспрерывно казнит себя подтверждением своего бессилия.

В. Воронин сумел показать образ Соленого в развитии. В спектакле Соленый появляется в тот момент, когда душа его уже искалечена, задумана вера в будущее, в людей, в себя. Осталась соломинка, за которую он судорожно цепляется. Он не может надеяться и мечтать, как надеются и мечтают три сестры. Неверие в собственные силы рождает в Соленом — Воронине ущербность, раздвоенность, раздражительность.

Вот в страстном желании сделать хоть что-нибудь наперекор он произносит очевидную нелепость: «В Москве два университета». Соленого—Воронина охватывает отчаяние, но он с вызовом и надломом, упрямо отстаивает эту нелепость, мстя себе за свою застенчивость, за неумение быть самим собой.

И не глупая шутка, а непримиримая ненависть к мешанской трясине звучит в его спокойной и мрачной реплике в ответ на умильное соскочканье Наташи: «Если бы этот ребенок был мой, то я изжарил бы его на сковородке и съел бы». Это оскорбление, и иначе он не умеет выразить свое отношение к Наташе.

А строки из Лермонтова звучат в его устах даже немного смешно. Соленому — Воронину не идет эта поза, да и сам он верит в свое сходство с Лермонтовым лишь отчасти. Для него это лишь своеобразная ширма, за которую он прячет от посторонних взглядов свой исковерканный душевный мир.

Неразрывно связана с внутренней борьбой Соленого его любовь к Ирине. Только в общении с ней, в ее сочувствии теплится надежда на возврат веры в существование хорошего, светлого в людях. Оставшись наедине с Ириной, Соленый становится самим собой — человеком с надорванной душой, страстно любящим, жаждущим, требующим счастья. Для Воронина эта минута — кульминация в раскрытии характера Соленого, человека, стоящего на распутье.

Но жизнь, искалечив его душу, наложила отпечаток и на его любовь.

Ирина не может ответить на его чувство. Его порыв чужд ей. Соленый отвергнут; плечи поникли, голова опущена, он весь как-то обмяк.

Дуэль приносит смерть не только Тузенбаху — гибнет окончательно и Соленый — Воронин, гибнет для надежд, для будущего. И в том, что он, мучимый ревностью, убивает именно Тузенбаха — единственного человека, сумевшего заглянуть под маску, одетую им, и понять его, — логический финал развития противоречивого характера.

Это еще одна месть, последняя месть самому себе за неудачную жизнь. Соленый мертв. И в подтверждение этого гулко и пусто, как отзвук чего-то старого и привычного, звучит его последняя реплика: «А он, мятежный, ищет бури...» Соленый уже ничего не ищет.

М. Корбина

